

ПОНЯТИЕ “РЕФЛЕКС” В ПСИХОЛОГИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

© 2016 г. М. И. Яновский

*Кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии
Донецкого национального университета, Донецк;
e-mail: yanovs@rambler.ru*

Предлагается методологический анализ понятия “рефлекс”; рассмотрено его место в опыте человека. Проводится сопоставление внешнего наблюдения и самонаблюдения как разновидностей фиксации субъективного опыта. Логически доказываются связь и соподчиненное соотношение внешнего и внутреннего методов познания психического. Внешнее наблюдение трактуется как редукция субъективного опыта к обезличенной унифицированной системе координат его оценки. Делается вывод, что при таком исследовательском подходе субъект ограничивает себя в возможностях познавательного процесса. Отмечаются два аспекта, характерные для внешнего наблюдения, — механистичность в понимании и объяснении фактов и игнорирование их первоначальной субъективно реципируемой формы. С тех же позиций анализируется понятие “рефлекс”. Делается вывод о возможности рассмотрения рефлекса как части апперцепции, первичной, недифференцированной рефлексии переживаемого субъективного опыта.

Ключевые слова: рефлекс, апперцепция, рефлексия, внешнее наблюдение, самонаблюдение.

Программа развития психологии, предложенная в XIX веке И.М. Сеченовым [19], основывается на простой идее, что общенаучным методом является внешнее объективное наблюдение. Психология, если она должна стать полноценной наукой, может опираться только на этот метод. Внешнее наблюдение может быть усовершенствовано различными приборными средствами, взаимопроверкой нескольких наблюдателей, применением интенсифицирующих исследование экспериментальных условий. Однако во всех этих случаях оно сохранится как отправная точка.

Если рассмотреть, в чем состоит внешнее наблюдение, то бесспорным является то, что оно есть не что иное, как фиксация сознанием *ощущений и восприятий* наблюдателя. Поэтому, строго говоря, мы имеем право считать его особой формой *самонаблюдения*. Однако следует ответить на вопрос, в чем состоит специфика первого как частного случая второго. Специфика состоит, на наш взгляд, в том, что во внешнем наблюдении исследователь старается отвлечься, абстрагироваться от координированности наблюдаемых данных с индивидуальным субъектом, с его индивидуальной системой координат, соответствующей определенной познавательной позиции, в которой для него выявляются и фиксируются определенные ощущения и восприятия. Исследователь стремится обнаруживать и фикси-

ровать лишь такие факты, которые сохраняются в рамках любого индивидуального восприятия, т.е. стремится “отвязать” факты от индивидуальности воспринимающих их людей, как бы обезличить их. В действительности полностью такой разрыв недостижим, поскольку любое кажущееся воздействие независимого факта на сознание наблюдателей на проверку всегда оказывается их *взаимодействием*. Эта мысль в целом признана и современной физикой [2], и философией (см., например: [10, 11]), и психологией [15]. Так, русский философ XX века Н.О. Лосский писал: “... отношение между субъектом и объектом можно назвать словом гносеологическая *координация*” [9, с. 345]. При этом координация должна пониматься как “*одновременное* определение вещи *A* вещью *B* и наоборот, при котором не имеет смысла различение зачинщика и обороняющегося <...> они не вполне самостоятельные существа, а стороны единого целого” [там же, с. 342]. С.Л. Рубинштейн также критиковал позицию разрыва субъекта и объекта в познавательном процессе, позицию, для которой “объективность бытия полагается в независимости его от нас” [13, с. 102]. Согласно Рубинштейну, “объективность нужно поэтому искать не в независимости от чего-то другого, не в этом отрицательном и чисто внешнем для содержания объективном отношении, а в завершенности его собственного

содержания” [там же, с. 104], что возможно лишь при участии в этом содержании познающего его субъекта, — т.к. “существование истины возможно только для человека, познающего бытие, только соотносительно с ним” [14, с. 325]¹.

Итак, во внешнем наблюдении исследователь стремится “обезличить” свои восприятия за счет игнорирования их индивидуальной окраски, абстрагирования от нее. Такая операция возможна лишь на уровне более примитивных, простых восприятий. Поэтому исследование подобного типа заведомо ограничено процессами, связанными с более “грубыми” ощущениями и восприятиями исследователя. В результате исследования могут быть по ошибке, в силу игнорирования индивидуальности наблюдателя, провозглашены всеобщими факты и законы, которые имеют значение лишь в определенных частных условиях. Характерным при этом является стремление к сведению всех возможных координатных систем опыта к одной унифицированной и, по мнению данного конкретного исследователя, единственно возможной (в силу либо “самоочевидности”, либо привычности, что равнозначно “проверенности практикой”). Но координатная система исследователя как таковая вычленяема *лишь при предположении существования других возможных координатных систем*. Если же исследователь это отрицает, то он не в состоянии выявить и описать и свою систему координат. По этой причине подобный исследователь пассивно “соскальзывает” в ту систему, которая в данный момент по каким-либо случайным причинам “притягивает” индивидуальное сознание исследователя. Так исследователь, стремясь к полной объективности, привносит в исследование неконтролируемый и неуправляемый субъективизм. Если в “грамотном” самонаблюдении исследователь переадресовывает естественно рефлекслируемые факты внутреннего опыта из одной координатной системы в другую (например, из системы первичного переживания опыта в систему терминологического описания опыта, или из одного состояния сознания в другое), то во внешнем наблюдении исследователь фиксирует как факт лишь то, что “само” переадресовалось, “сбросилось” в ту систему координат, в которой оказался в данный момент наблюдатель. Образно говоря, здесь исследователь имеет дело лишь с

“посылками”, которые к нему попадают, но при этом он игнорирует “отправителя” и никогда не пытается наладить с ним двустороннюю связь² (для которой понадобилась бы фиксация координат и “отправителя”, и себя-“получателя”). В этом смысле действительно внешнее наблюдение — это особый вариант самонаблюдения, который отличается стихийной, неосознаваемой, бесконтрольной переадресовкой субъективного опыта, зафиксированного субъектом из какой-либо познавательной позиции, в позицию, которая выступает ситуативно более понятной, притягательной, привычной и т.п. Происходит как бы искусственное растворение исходной системы координат опыта в другой, более “мощной” по какому-либо параметру. Зафиксированный факт обезличивается и “прилипает” к унифицированной системе координат оценки опыта (с которой исследователь отождествляет себя). Исследователь фиксирует уже “прилипший” к нему факт, т.е. факт упрощенный настолько, чтобы он без специального “перевода” в систему координат опыта исследователя вошел в нее, а точнее, отразился бы на ней хотя бы какими-то своими сторонами. Таким образом, исследователь, стремясь к “пассивной рецепции” факта (по выражению С.Л. Рубинштейна), допускает утрату существенной аутентичной информации, содержащейся в нем [13]. Тем самым исследователь принципиально ограничивает себя в познавательном процессе. Самое главное ограничение состоит в имплицитно навязываемой себе *механистичности* в последующем понимании и объяснении фактов. Почему? Потому что, сводя, редуцируя исходное своеобразие, индивидуальность факта к удобной (мощной) унифицированной координатной системе, исследователь как бы “срезает” системообразующий *внутренний* центр данного факта, оставляя лишь то, через что могут осуществляться его внешние отношения с другими фактами. При последующем объяснении факта исследователь уже может опираться лишь на внешние взаимодействия его с другими фактами,

¹ При этом ошибкой является и другая крайность: нигилистическое отрицание существования объективной реальности, агностицизм, субъективизм и волюнтаризм. С.Л. Рубинштейн показал, что такая позиция тоже формируется на почве разрыва, игнорирования *взаимосвязи* субъекта и объекта [13].

² Конкретный пример такого безразличия к реальному источнику опыта в процессе внешнего наблюдения можно обнаружить в положениях концепции И.М. Сеченова. Согласно Сеченову, любой психический акт сводим к рефлексам, следовательно, — в том числе и акт внешнего наблюдения исследователя. Но рефлекс по определению является реакцией непосредственно-автоматической и, значит, как бы “слепой”. Поэтому и простое внешнее наблюдение в некотором смысле — “слепое” наблюдение, наблюдение “вслепую”. В самом деле, по словам Сеченова, “между действительным впечатлением с его последствиями и воспоминанием об этом впечатлении со стороны процесса в сущности нет ни малейшей разницы” [16, с. 191].

т.е. выявлять лишь *механические* “взаимоудары” как единственно возможные их причины.

Такой механицизм в объяснении фактов проявляется в игнорировании (или отрицании) авторства фактов, т.е. в игнорировании первичного аутентичного содержания факта и той *единственной субъектной позиции*, в которой он наблюдаем в первичной форме (что является в данном случае необходимым минимумом авторства).

СООТНОШЕНИЕ РЕФЛЕКСА И АППЕРЦЕПЦИИ

Наблюдаемые факты в психологии, авторство которых отрицается, получают название “рефлексов”. Рефлекс это и есть психологический факт, у которого нет субъекта-автора, это “обессубъеченный” психический процесс.

Рефлекс, таким образом, является понятием, которое неизбежно должно возникать у исследователя-психолога, когда он стремится ограничиться методом внешнего наблюдения.

Связь данного метода с понятием “рефлекс” обнаруживается уже у автора данного понятия (хотя и не автора самого термина) Р. Декарта. Как известно, именно Декарт отделил внешнее наблюдение от самонаблюдения, опираясь при этом не только на различие их предметов, но и на различие принципов их осуществления: душа и материя – не только разные объекты; они, кроме того, и познаются различно, что выражается в различных первичных атрибутах, фиксируемых исследователем для того и другого – “мышление” и “протяженность” [3]. “Протяженность” есть обязательное свойство любого извне наблюдаемого факта. Поэтому такой факт может быть объясняем лишь через этот атрибут, т.е. через пространственные перемещения и взаимодействия объектов – по образцу механического устройства, *механизма*. Действительно, Декарт даже живой организм объяснял как особым образом устроенный сложный механизм, а понятие рефлекс выражает взаимодействие этого механизма с другими, внешними по отношению к нему, объектами [там же].

Принципиально важным в декартовой концепции является представление об отсутствии пустоты в природе: протяженностью обладают лишь предметы (субстанция), а не пустота (т.е. ничто) [там же]. Это означает, что между предметами нет промежутка, зоны свободы (возможного “произвола”). Все вещи жестко сцеплены между собой, поэтому всякое выталкивание может считаться

втягиванием; то, что кем-то понимается как подъем, в рамках данного виденья вполне объясняется как движение вниз, “соскальзывание”. Любое инициативное действие есть следствие “притяжения” среды, средовых условий, поэтому мы можем его полностью “разложить” на рефлекс (именно такие “разложения” инициативных – моральных, волевых и т.п. – действий встречается в работах И.М. Сеченова [16], а после него – в работах Дж. Уотсона [18]). Образно говоря, здесь любой психологический факт понимается как “соскальзывание” в реализацию наметившейся возможности, автоматическое заполнение образующихся в “мировом пространстве” пустот.

Отметим, что на аналогичном гносеологическом подходе держались многие научные концепции XIX–XX вв. Например, в теории К. Маркса поведение человека определяется материальной необходимостью. Именно она является реальной силой, формирующей в конечном счете все социальные процессы и предопределяющей их исход. Маркс противопоставил эту “реальную силу”, определяющую поведение индивидов, их личной воле, желаниям. Последнее, таким образом, пришлось признать эпифеноменом, “превращенной формой” первого.

Можно признать, что Маркс был прав, но настолько, насколько люди проявляют себя как существа, неспособные устоять перед притяжениями среды (т.е. фактически перед “соблазнами”). Правда, Маркс был исследователь, и, возможно, его взгляды эволюционировали в сторону признания некоего начала разумности за экономическими процессами. Ведь и выдающийся физик А. Эйнштейн считал, что природные, физические феномены нельзя рассматривать как нечто сугубо механическое: в природе следует допустить существование некоего организующего разумного начала (вспомним его знаменитое высказывание: “Бог не играет в кости”). (Кстати, Эйнштейн высказывал странные для многих утверждения об особой роли в его научных изысканиях Ф.М. Достоевского (“Достоевский дает мне больше, чем любой мыслитель, больше, чем Гаусс” [6]), а также самонаблюдений на уровне телесных, чувственных и т.д. переживаний, трудновыразимых обычным языком [5]. Эта трудная выразимость указывает на особые усилия Эйнштейна по трансляции из одной системы координат опыта в другую, так, чтобы не утерялось аутентичное содержание опыта. Этот пример показывает, в целом, что даже представители естественных наук на деле не могут ограничиваться фактами, данными в чисто внешних наблюдениях.)

Однако чем более люди действуют бессознательно, тем более к ним приложимы теории “рефлекторного типа”. Соответственно, поэтому мы должны признать значимость внешнего наблюдения, как метода, и термина “рефлекс”, как объяснительного понятия, но — в определенных границах.

На наш взгляд, данное понятие частично по отношению к понятию “апперцепция”. Если апперцепция в наиболее простом виде — это процесс, охватывающий и состояния погруженности сознания в объект, и перемещение в состояние рефлексии своего отражения объекта [7], то рефлекс — это как раз то состояние сознания, когда оно погружено в объект, без рефлексии. Вследствие отсутствия рефлексии субъект здесь не фиксирует способы своего отражения объекта, не удерживает их, но и не меняет их сознательно. Они меняются (с большей или меньшей интенсивностью) сами, без участия воли субъекта. Происходит процесс, который мы назовем “соскальзыванием”, соскальзыванием исходных форм отражения объекта к более простым, привычным или сильным. Известный советский психолог П.Я. Гальперин указывал, что принцип соскальзывания служит одним из главных объяснительных принципов в бихевиоризме: “Надо было как-то оправдать исключение центрального физиологического механизма из анализа поведения. И желаемое оправдание было найдено в виде известной бихевиористической гипотезы о работе мозга по принципу переключения более слабых нервных процессов на пути одновременно протекающих более сильных процессов” [1, с. 19]. Данный “принцип переключения” практически совпадает с “соскальзыванием”. Слова Гальперина с тем же эффектом могут быть отнесены к теории И.П. Павлова, его объяснению механизма образования условных рефлексов. Аналогом “соскальзывания” в теории Павлова является понятие “иррадиация возбуждения” в коре головного мозга.

Итак, рефлекс можно рассматривать как особую форму апперцепции, при которой рефлексия сводится к минимуму и вследствие этого исходное психическое явление редуцируется к другому, уже зафиксированному (апперцептивному ранее). Рефлексия в рефлексе носит, так сказать, стихийный характер, разворачивается по наиболее простому, даже упрощенному пути. Термин “рефлекс” поэтому может применяться правомерно в случаях необходимости объяснения “иннерционных” форм поведения и психической активности, т.е. в тех случаях, когда субъект пассивно следует совокупному действию импульсов среды, а не

пытается активно взаимодействовать со средой. “Остаточная” рефлексия в рефлексе может обманывать исследователя, поскольку в силу своей стихийности она — скорее “прикрытие” действия с объектом, чем его раскрытие. Рефлексия может становиться здесь “превращенной формой” [10], т.е. ложным сознанием. Это обстоятельство, между прочим, порождает недоверие вообще к интроспективным методам, которые здесь, тем не менее, применимы и применяются, хотя порой в завуалированной форме. На это, при анализе бихевиористской концепции, обратил внимание известный исследователь В.А. Лефевр: “Схема бихевиоризма обладает одним удивительным противоречием. <...> для того, чтобы выяснить, что является стимулом, экспериментатор должен обратиться к своему внутреннему миру, т.е. совершить интроспективный акт. <...> Таким образом, отказ от интроспекции приводит к содержательному тупику, или вынуждает использовать ее, скрывая это от самого себя” [8, с. 7]. Остается добавить, что бихевиоризм как раз является той теорией в психологии XX в., которая по сути — если не брать в расчет частности — является вариацией теории рефлекса. Интересно отметить, что бихевиористы иногда не отрицали участие рефлексии в организации реакций на стимулы среды, но говорили о психике как о “черном ящике” с неустановимым внутренним содержанием [19]. Иначе говоря, рефлексия они могли признавать, но считали ее слишком аморфной и хаотичной, чтобы можно было найти пути ее дисциплинированной и продуктивной реализации. Уместно здесь будет напомнить о предшественнике бихевиоризма У. Джемсе, также считавшем рефлексия стихией — “*потоком сознания*” (курсив мой. — М.Я. [4]).

Понятие “рефлекс” может рассматриваться как форма апперцепции, приложимая к определенному ограниченному кругу психологических явлений. И.М. Сеченов, выдвигая свою рефлекторную теорию, понимал ограниченные объяснительные возможности самого по себе понятия рефлекса, поэтому он ввел целый ряд дополнений к этому понятию, в какой-то мере компенсировавших его недостатки. Такими наиболее известными дополнениями являлись понятие “задержанного (заторможенного) рефлекса” и “мышечное чувство” [17]. Что касается первого, то можно поставить вопрос об источнике “задержки”, — который (источник) может быть либо вовне, либо внутри. Если он — вовне, то это — перебивание одним рефлексом другого, т.е. разрушение нормальной работы нервной системы. Сеченов считал, что “задержка рефлекса” служит, наоборот, упорядо-

чению работы нервной системы. Следовательно, остается второй вариант: торможение возникает изнутри; это означает, что в объяснении работы психического аппарата вводится *субъект*, — но при этом вещи не называются своими именами. Далее, “мышечное чувство” — это некая *внутренняя* шкала (что важно — субъективная, поскольку это чувство), относительно которой происходит размещение рефлекторных реакций. “Мышечное чувство” помогает организовать время поведения, получить о нем обратную связь и т.п. Фактически речь идет о дополнении рефлекса рефлексией, что приближает понятие “рефлекс” к апперцепции. Тем не менее разница остается и возникает определенная эклектика понятий, приводящая к тому, что они приобретают многозначность и неопределенность, и, как следствие этого, они перестают быть рабочими с просматриваемым смыслом, а становятся идеологемами, частичная обоснованность которых служит основанием для провозглашения их “общеобязательности”.

Несмотря на декларируемый физиологический редукционизм, Сеченов оставляет, как известно, в качестве реальности, которую он признает, один разряд субъективно-психических феноменов — “чувствования”. Это дает нам основания квалифицировать концепцию Сеченова как сенсуалистическую. Что касается сенсуализма, то можно указать на то, что среди его представителей всегда важное место занимали ассоцианисты (Дж. Локк, Э. Кондильяк и др.). Это может вообще означать существование родства между понятиями “рефлекс” и “ассоциация”. Действительно, условные рефлексы И.П. Павловым рассматривались как физиологический эквивалент понятия “ассоциации”: “Факт ассоциации, как установлено психологами, тем более приобретает в своем значении, что совершенно совпадает с физиологическим фактом временной связи, проторения пути между различными пунктами коры полушарий” [12, с. 403]. Существенно, что если понятие “апперцепция” заставило В. Вундта поставить в центр своей концепции волевые психические процессы, то понятие “рефлекс” заставило И.М. Сеченова поставить в центр своей концепции “чувствования”, т.е. ощущения в широком смысле. Сенсуализм Сеченова, отметим, порой оборачивается декларацией гедонизма: “Любя женщину, человек любит в ней, собственно говоря, свои наслаждения” [16, с. 204], — гедонизма, который, являясь по своей сути погружением в субъективное переживание, отрывает человека от объективной реальности, вопреки первоначальному постулату, что “*первая причина всякого человеческого действия лежит вне его*” [там же, с. 208].

Сеченов растворяет волю в чувствованиях, но тем самым он лишает их способности выполнять свою естественную функцию: связывать человека с реальностью, а не отрывать от нее (ср. ранее уже нами цитированные слова Сеченова: “*между действительным впечатлением с его последствиями и воспоминанием об этом впечатлении со стороны процесса в сущности нет ни малейшей разницы*. Это тот же самый психический рефлекс с одинаковым психическим содержанием, лишь с разностью в возбудителях” (курсив мой. — М.Я. [там же, с. 191])). Чувствования лишь тогда становятся способными выполнять свою естественную функцию, когда они перестают быть единственным источником активности человека. В этом случае они становятся как бы проницаемыми, прозрачными для субъекта, — он, в общем, преодолевает “диктат” субъективного аспекта чувствований — эмоций — над своей активностью. Говоря традиционным психологическим языком, регулятивная функция эмоций оттесняется на второй план, а на первый выходит сигнальная: они не столько управляют субъектом, сколько информируют его. (Кстати, рефлекс как таковой действительно может объяснять, как внешняя реальность *управляет* субъектом; но он сам по себе не объясняет, как она *отражается* им. Уже по той простой причине, что рефлекс — “слепая”, механическая реакция на воздействие внешней реальности. Как невозможно слепое отражение реальности, так несовместим рефлекторный подход с пониманием психики как отражения.)

На наш взгляд, рефлекс стал бы более продуктивным психологическим понятием, если бы он рассматривался не как принцип механической “бессубъектной”, как бы predetermined, реакции, а как *первичное непосредственное* проявление субъекта в определенной ситуации. Рефлекс в таком понимании — это раскрытие субъекту его же самого; содержания, заложенного в нем как потенция. А через раскрытие себя — раскрытие движений, сдвигов объективной реальности, в которую субъект включен как ее часть. Рефлекс в таком смысле имеет прямое отношение к самонаблюдению, интроспекции, поскольку является ее основой и залогом ее *подлинности*. Так, взятый рефлекс отличает необратимость, поскольку является непосредственным выявлением субъекта в конкретной единичной ситуации (тогда как рефлекс в традиционном смысле — механически повторяемая, обезличенная реакция). Необратимость рефлекса предъявляет особые требования к процессу его фиксации в самонаблюдении: его нужно *успевать* фиксировать. Исследователь должен “всматриваться” в ближайшее прошлое,

улавливать непосредственный отклик в себе произошедшего события, или ситуации. Характерно, что традиционное применение “рефлекторного подхода” направлено как раз в противоположную сторону: в предполагаемое будущее. Так, во многих моделях человеческого поведения исследование строится как прогноз того, куда “соскользнет” какой-либо социальный субъект при учете совокупного “притяжения” различных факторов среды в рамках какой-либо ситуации. В исследованиях И.М. Сеченова в завуалированной форме используется тот же прием. Так, анализируя “кажущееся” свободное “хотение” субъекта и его реализацию, Сеченов раскладывает его на составные шаги, каждый из которых является предполагаемым вероятным “соскальзыванием” субъекта в ту или иную простейшую реакцию на какой-либо внешний фактор. Внешне Сеченов действительно анализирует состоявшийся и зафиксированный факт. В действительности факт у Сеченова распадается на ряд частных *предполагаемых* состояний индивида, среди которых выход из каждого и переход к следующему объясняется в форме *вероятностного прогноза* (“Явно, что рука скорее подвернется для выражения мысли, чем нога” [16, с. 207–208]; “...для обоих этих случаев должны быть особенные причины. Если одна из них сильнее другой, то на ее стороне и будет перевес” [там же, с. 207]; “Я устал и сижу. Ощущение усталости роковым образом приглашает меня лечь (я желаю). Спрашивается, если в этот миг нет абсолютно никакой причины, чтобы остаться на месте, есть ли возможность усидеть? Нет” [там же, с. 206]). Такой метод объяснения страдает существенным недостатком: игнорирование раскрытия сущности, содержания факта, лишает исследователя действительной возможности прогнозировать его развитие (или исход), и заставляет имитировать прогноз задним числом на основе уже образовавшейся цепи событий (например: “Противник заговорил, значит — не мог не заговорить” [там же, с. 207]). И в дальнейшем такой псевдопрогноз применяется для объяснения новых встречающихся аналогичных фактов, для их прогнозирования. Подобные прогнозы могут основываться лишь на априорной посылке инерционного движения изучаемого предмета в какой-либо среде (биологической, социальной, физической и т.д.), а это всегда является ошибкой, поскольку чистая инерция возможна лишь при изоляции предмета от среды, или при замыкании его в изолированную систему вместе с ограниченным набором элементов среды. Такое невозможно в принципе, поэтому подобные прогнозы в *решающие* моменты будут оказываться ошибоч-

ными (хотя и могут оказываться эффективными в привычных, но не принципиально важных ситуациях).

Таким образом, применение “рефлекторного подхода” вне самонаблюдения, за рамками интроспекции, заводит исследователя в тупики.

Итак, с нашей точки зрения, понятие “рефлекс” более продуктивно рассматривать не как форму бессубъектного действия, психического процесса, порождаемого внешним раздражителем, а как первичное раскрытие потенциального содержания данного субъекта в первичной, недифференцированной рефлексии. Исходно рефлекс — начальный, “сырой” опыт, с которого начинается рефлексия, более развитой формой которой является апперцепция.

Здесь необходимо признать, что, хоть рефлекс, исходя из сказанного, может считаться начальным этапом апперцепции, т.е. ее компонентом, сама апперцепция может рассматриваться как продолжение рефлекса, как то, что выявляется *из него*. Однако это возможно лишь в случае одноприродности рефлекса и апперцепции, т.е. при его “субъектном” понимании.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гальперин П.Я. Введение в психологию. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1976.
2. Гейзенберг В. Картина природы в современной физике // Гейзенберг В. Шаги за горизонт. М.: Прогресс, 1987. С. 290–305.
3. Декарт Р. Сочинения в 2 т.: Пер. с лат. и франц. Т. 1 / Сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1989.
4. Джемс У. Психология. М.: Педагогика, 1991.
5. Дилтс Р. Стратегии гениев. Т. 2. Альберт Эйнштейн / Пер. с англ. Н.Е. Ивановой. М.: Независимая фирма “Класс”, 1998.
6. Кузнецов Б.Г. Эйнштейн. Жизнь. Смерть. Бессмертие / 5-е изд., перераб. и доп. М.: Наука, 1980.
7. Лейбниц Г.В. Сочинения в 4-х т. Т.1. М.: Мысль, 1983.
8. Лефевр В.А. Конфликтующие структуры. М.: Советское радио, 1973.
9. Лосский Н.О. Избранное. М.: Правда, 1991.
10. Мамардашвили М.К. Форма превращенная // Философская энциклопедия. В 5-ти т. Т. 5 // Под ред. Константинова В.Ф. М.: Советская энциклопедия, 1970. С. 386–389.
11. Мамардашвили М.К., Соловьев Э.Ю., Швырев В.С. Классическая и современная буржуазная философия // Мамардашвили М.К. Необходимость себя. М.: Лабиринт, 1996. С. 372–415.

12. Павлов И.П. Рефлекс свободы. СПб.: Питер, 2001.
13. Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности // *Вопр. психол.* 1986. № 4. С. 101–108.
14. Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Наука, 1973.
15. Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука, 1997.
16. Сеченов И.М. Избранные произведения. Том 1. Физиология и психология / Ред. и посл. Х.С. Коштыянца. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1952.
17. Сеченов И.М. Рефлексы головного мозга // Сеченов И.М., Павлов И.П., Введенский Н.Е. Физиология нервной системы. Избранные труды. Выпуск I. М.: Гос. изд-во мед. литературы, 1952. С. 143–211.
18. Уотсон Дж.Б. Психология с точки зрения бихевиориста // *История психологии (10-е – 30-е гг. Период открытого кризиса): Тексты* / Под ред. П.Я. Гальперина, А.Н. Ждан. М.: Изд-во Моск. университета, 1992. С. 79–96.
19. Ярошевский М.Г. История психологии. М.: Мысль, 1985.

CONCEPT OF “REFLEX” IN PSYCHOLOGY: HISTORICAL ANALYSIS

M. I. Yanovsky

PhD, associate professor, psychology chair, Donetsk National University, Donetsk.

Methodological analysis of “reflex” concept is proposed; its place and meaning in man’s experience is revisioned. Comparison between external observation and self-observation as varieties of experience’s fixation is conducted. Association and subdominant correlation between external and internal methods of psychic’s perception is proved logically. External observation is interpreted as reduction of subjective experience to depersonalized, unified coordinate system of its assessment. The conclusion that subject restricts himself in possibilities of cognition under such research approach is drawn. Two typical for external observation aspects – mechanicalness in facts’ understanding and interpretation and ignoring of their primarily subjectively perceived form are stressed. “Reflex” conception is analyzed from the same position. The conclusion that it is possible to examine reflex as a part of apperception, primarily undifferentiated reflection of experiencing subjective experience is drawn.

Key words: reflex, apperception, reflection, external observation, self-observation.